

18. Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48).

19. Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография.

20. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Кривошапкин А.И., Милотин К.И., Исламов У.И., Сайфуллаев Б.К. Новые данные о палеолитических индустриях пещеры Пальтау (Республика Узбекистан) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.

21. Колобова К.А., Фляс Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).

22. Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Фляс Д., Деревянко А.П., Исламов У.И. К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49).

23. Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50).

Статья поступила
в редакцию 31.01.2013

УДК 902/904

Е.Б. БАРИНОВА

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА И НЕОЛИТА

канд. ист. наук,
Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва
e-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Контакты между населением Восточной и Центральной Азии оказывали влияние на формирование особенностей культур этих регионов с древнейших времен. События, связанные с начальной стадией освоения человеком этих территорий, а также особенности последующего развития в пределах ранних культур каменного века можно понять лишь при комплексном решении проблемы, т.е. с привлечением данных геологии, палеонтологии и археологии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Центральная Азия, палеолит, неолит.

В основе современного подхода к проблемам культурной дифференциации палеолита лежат представления о многофакторном характере изменчивости набора каменного инвентаря. На состав и соотношение элементов индустрии влияют принадлежность обитателей стоянки (культурный фактор) и хозяйственная специфика памятника (функциональный фактор). Множество вариантов в сочетаниях артефактов, включая типологические и статистические, может наблюдаться в пределах единого культурного слоя.

Для палеолитических памятников, где не прослеживаются четко выделенные локальные культуры, характерно понятие культурного ареала. В пределах ареала выделяются зоны локальных вариантов индустрии с нечеткими, расплывчатыми границами. Они обусловлены, вероятно, диффузией – медленным распространением на больших территориях элементов культуры благодаря контактам, обмену, небольшим ненаправленным передвижениям групп людей. Археологическим признаком диффузии может быть проникновение отдельных типов вещей в непохожие по общему облику культуры.

«Интернациональность» исследования свойственна палеолитоведению в гораздо большей степени, чем остальным разделам археологии, поскольку каменные индустрии обнаруживают сходство на широчайших территориях.

Первоначальное заселение территории Центральной и Восточной Азии связано, скорее всего, с северной миграционной волной африканских *Homo erectus* [1–3]. Согласно биостратиграфическим данным из отложений раннепалеолитической стоянки Карамы, проникновение человека на северо-запад Алтая происходило 600–800 тыс. л. н. [4; 5]. В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои с надежным литологическим и биостратиграфическим обоснованием, выявленные в Северной и Центральной Азии. Относительно ранняя хронологическая позиция алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита позволяет предположить, что выделенные на Алтае технологические тенденции во многом предопределили основные пути развития палеолитических традиций в Северной и Восточной Азии [6, с. 55].

Считается, что появление в Центральной Азии людей современного вида связано с расселением генети-

чески единой волны кавказоидной популяции, продвигавшейся 50–40 тыс. л. н. первоначально в широтном [7], а впоследствии и в меридиональном направлении.

Археологических свидетельств, датируемых этим временем, известно очень немного. В особенности это относится к надежно документированным памятникам каргинского времени (30–22 тыс. л. н.), общее число которых не превышает двух десятков объектов [8, с. 38].

К древнейшим каменным изделиям, датированным самыми ранними из выявленных пока этапов нижнего палеолита Центральной и Восточной Азии, относятся большинство местонахождений, открытых в районе Кэхэ¹. Наличие одинаковых с Западом чрезвычайно специфических черт в культуре Китая может быть объяснено единством их базовых отделов, сходными тенденциями в развитии на последующих этапах и, очевидно, непрекращающимися контактами с соседними регионами расселения нижне- и среднепалеолитических гоминид [9, с. 31].

Вариабельность среднепалеолитических индустрий на территории Северной, Центральной и Восточной Азии связана с процессами адаптации местного населения к различным палеогеографическим условиям и особенностям сырьевой базы. Горный Алтай является единственным регионом, где прослеживается непосредственная смена мустьерских (в классическом, выработанном на материалах Западной Евразии понимании) комплексов верхнепалеолитическими. Таким образом, материалы палеолитических комплексов Горного Алтая являются очень важным объектом для осмысления эволюционных процессов развития средне- и верхнепалеолитических индустрий Северной и Центральной Азии [10, с. 47].

В целом на этой территории в период верхнего палеолита сохранялись относительно стабильные и многокомпонентные природные условия, которые оставили свой отпечаток на истории становления и развития палеолитических культурных традиций. Памятники раннего верхнего палеолита Центральной Азии немногочисленны и разнообразны в технико-типологическом отношении, что, видимо, исключает возможность их объединения в единую археологическую культуру, однако развивались они на основе культурных традиций, ранее всего фиксировавшихся в памятниках Алтая [11]. Ранние этапы этого процесса отмечены по немногочисленным памятникам Забайкалья, где исследователями по признакам технологии первичного расщепления выделены так называемые пластинчатая и отщеповая линии развития [12, с. 5; 13]. В приенисейской области к ранним памятникам отщеповой традиции могут быть отнесены Куртак-4 [14] и в какой-то степени нижний комплекс Усть-Ковы [15]. Материалы из этих стоянок, так же как и из некоторых других, могут являться тем субстратом, на основе которого возникают впоследствии различные культуры заключительного этапа верхнего палеолита.

¹ Кэхэ – группа палеолитических памятников в Северном Китае, на берегу р. Хуанхэ (на юго-западе провинции Шаньси). Исследовалась в 1960 г. под руководством Цзя Лань-по.

В инвентаре этих памятников есть различные формы, находящие точные аналогии в хронологически различных материалах стоянок Приангарья и Енисея – например, пикообразные орудия, подобные изделию из Мальты [16, fig. 36, 6], где представлены также диско-видные ядрища, или унифасиальные двуконечные острья, подобные находкам из Игетейского Лога I [16, fig. 59, 10]. Можно указать и другие черты сходства, например, это касается скребел – обушковые и с вентральной подтеской [8, рис. 24, 25], широко представлены в различных памятниках палеолита Сибири. Эти разновременные аналогии оказываются закономерным отражением как сходства трудовых процессов и внешних условий (т.е. обусловлены адаптацией материальной культуры человека верхнего палеолита Сибири к природной ситуации этого времени), так и определенного культурного единства этих территорий. Сказанное подкрепляется сходством в такой консервативной категории инвентаря, как украшения, являющиеся средством самоидентификации [8, с. 16].

Древнейший из открытых на севере Китая памятников лёссовой эпохи Шуйдунгоу (Ордос) с его очевидными чертами наследия в индустрии традиций предшествующего этапа каменного века дает возможность не только с достаточной полнотой характеризовать начальную стадию верхнего палеолита бассейна Хуанхэ, но и ретроспективно реконструировать особенности базовой культуры, из которой он вырос [17; 18]. Находки из Шуйдунгоу обладают специфическими особенностями как в типологии орудий, так и в технике их изготовления [9, с. 33]. Отдельные элементы в индустрии Шуйдунгоу (ориньякские ножи и другие элементы ориньяка и солютре) свидетельствуют о том, что верхнепалеолитическая культура этого региона, очевидно, поддерживала контакты с Евразией².

Связь нижне- и среднепалеолитических культур востока Азии с западными территориями продолжала, по-видимому, сохраняться и на позднем этапе этого периода, хотя теперь в большей, чем когда-либо, степени в культуре бассейна Хуанхэ начали проявляться черты своеобразия.

Классическим памятником микролитической по стилю верхнепалеолитической культуры Северного Китая считается Шароосогол³. Культура, обнаруженная на этом памятнике, очевидно, формировалась прежде всего в полупустынной и степной зонах Центральной Азии [19; 20]. В пределы данной культуры входили также окраинные области лёссового плато, а влияние ее распространялось еще далее на восток и юго-восток, что подтверждают открытия в Сяонаньхае [9, с. 37].

В целом верхнепалеолитический комплекс центральных районов Внутренней Монголии находит аналогии в североазиатских материалах соответствующего времени. Двусторонняя техника обработки орудий,

² На это обратили внимание А. Брейль при изучении коллекции, собранной на территории Ордоса, а также П. Тейяр де Шарден и Э. Лисан [19; 20; 18].

³ Шароосогол – местонахождение Сяоцяопань, Внутренняя Монголия.

отчетливо проявляющаяся на примерах ряда изделий Внутренней Монголии, характерна, как теперь выясняется, и для палеолита Енисея. Близкие аналогии с Сибирью устанавливаются, кроме того, при сравнении проколковидных изделий подпризматических левалуазских по типу нуклеусов, концевых скребков и скребков из отщепов, топовидных орудий, микронуклеусов [9, с. 39–40]. Таким образом, можно достаточно точно установить наличие контактов населения территории Внутренней Монголии и Маньчжурии с севером, прямых миграций населения из тех районов на юг. Несомненно, они имели общую подоснову в культуре раннего этапа верхнего палеолита, когда население степей севера и центра Азии формировало базу новой, микролитической в основе, технической традиции, что ярко раскрывается коллекцией из Шароосогола, Чжиюя и Линцзи.

Примерно в VI–V тыс. до н.э. на территории Центральной и Восточной Азии происходил сложный процесс, именуемый иногда «неолитической революцией», суть которого сводится к тому, что на смену экономике присваивающего типа, определявшей содержание культур древнекаменного века, пришло основанное на земледелии и скотоводстве производящее хозяйство. Прогрессивные изменения в экономике дали мощный толчок развитию региона: эпоха неолита и следующего за ним бронзового века – время интенсивного формирования этнических и культурных общностей.

На данный момент в Китае и Центральной Азии открыто и в той или иной мере изучено значительное число неолитических культур и их локальных вариантов [21; 22]. Анализ археологических свидетельств дает возможность исследовать не только материальный быт носителей этих культур, но и их мировоззрение.

Период неолита начинается со значительных внешних воздействий на китайскую экономику и социальную жизнь популяций, связанных с искусственной земледельческой экологией [23, с. 103–107; 24, с. 5; 25, с. 32]. Любая аграрная традиция распространяется путем медленного расширения своего ареала за счет освоения новых земель, необходимого по мере оскудения первоначально использовавшихся почвенных ресурсов. Культура, передвигавшаяся из ближневосточных аграрных районов, в частности из выявленного Г. Чайльдом «полумесяца плодородных земель» [26, с. 313–367], на территорию Северо-Китайской равнины, диагностируется благодаря специфике организации земледельческих поселений, характерных для Ближнего Востока, где их появление обусловлено неоднократным повторным заселением поселков. В результате на местах постоянных поселений, занимавших оптимальное положение в местном рельефе и имевших надежные источники воды и топлива, возникали «жилые холмы» – *телли*, а во вновь освоенных местностях для новых земледельческих поселков сооружались специальные глинобитные платформы, на которых строились дома [27, с. 188]. Также общей особенностью для всей полосы этого расселения было использование в качестве домашней бытовой и ритуальной посуды глиняных сосудов в виде глубоких ми-

сок и кувшинов с различного рода геометрическими росписями [28, с. 351]⁴.

Источники, позволяющие реконструировать духовную культуру той эпохи, можно разделить на две большие группы: вещественные материалы (захоронения, культовые места, планировка и устройство жилищ и поселений), с одной стороны, и предметы искусства – с другой. Наиболее массовым видом последних для ряда неолитических культур Центральной Азии и Китая являются керамические сосуды, украшенные сложной по своей семантике полихромной росписью, смысловое прочтение которой может служить одним из способов проникновения в духовный мир предков древних народов.

Научные археологические исследования в Китае фактически начинаются в 1920-х гг., когда раскопки неолитических памятников были предприняты в провинции Ганьсу. Тогда исследователи обратили внимание на сходство яншаоской росписи с орнаментацией керамики из Анау, Суз и Триполья [31; 32]. Более того, выдвигалась теория о том, что «протокитайцы» – создатели культуры крашеной керамики – были мигрантами с запада. Первоначально они, продвигаясь в восточном направлении, достигли Ганьсу, а затем проникли на территорию Хэнани [32]. Однако новые археологические данные позволили предполагать, что крашеная керамика в Китае автохтонна. А вместо предполагавшегося ранее импорта с запада имело место взаимовлияние ближне- и дальневосточных региональных комплексов крашеной керамики. Были обоснованы допущения, что в ряде случаев, напротив, именно запад был подвержен влиянию востока [33, р. 287; 34, р. 66]. Существовала также точка зрения, что «протокитайцы» обитали в бассейне Хуайхэ еще в донеолитическое время, а впоследствии туда переселились и смешались с ними другие племена, принеся с собой культуру крашеной керамики. Одна из теорий была основана на тезисе, что на рубеже IV–III тыс. до н.э. из Ирана в Центральную Азию шла интенсивная инфильтрация земледельцев, в результате чего на этих территориях возникли перемещения масс земледельческого населения. В итоге перемещений носителей культуры расписной керамики Центральной Азии одна из племенных групп где-то в районе современного Синьцзяна вступила в контакт с местными монголоидными племенами, населявшими тогда Северный Китай, Монголию и ряд смежных районов Азии.

Открытия, сделанные в последние десятилетия в результате археологических исследований древних памятников неолитического и бронзового периодов на территории Китая и Центральной Азии, фактически отвечают на вопросы о существовании этнокультурных

⁴ Здесь как допущение указывается, «что кисть была известна иныцам». М.В. Крюков, М.В. Сафронов, Н.Н. Чебоксаров считают, что письменность в Китае произошла от орнамента, который наносился с помощью острого предмета [29, с. 216–217]. П.М. Кожин основывает свою теорию на том, что китайский древнейший орнамент (во всяком случае, ныне известный) выполнен кистью на поверхности сосудов «культуры крашеной керамики» – яншао [30, с. 134–135].

взаимодействий между этими регионами, их масштабах, интенсивности и периодичности. На данный момент установлено, что на севере, в пределах древней Маньчжурии, степных и пустынных районов Внутренней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а также частично на территориях провинций, расположенных в зоне лёссового плато бассейна Хуанхэ, получили распространение разного рода локальные варианты микролитического неолита. При изучении материальной культуры народов Китая и народов севера Центральной Азии эпохи неолита создается устойчивое впечатление об их контактах, поскольку существует определенная схожесть в сюжетах и оформлении предметов. Отчетливо вырисовываются несколько ареалов, отличающихся по облику распространенных там неолитических культур. В хозяйственно-культурной специфике двух основных зон на территории Китая в неолитическое время прослеживается граница, в целом совпадающая с границей двух лингвистических ареалов. Разумеется, наличие экологической, хозяйственно-культурной и лингвистической границы не означало полной изолированности двух зон друг от друга. И в этом отношении данные археологии обнаруживают совпадение с лингвистическими фактами. Различия в приемах выполнения художественных образов, а также смена набора этих образов и связанных с ними систем абстрактно-геометрических орнаментов позволяют говорить о значительных процессах этнокультурных изменений в Центральной Азии и Северном Китае в период, разделяющий неолитическую и бронзовую эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barham L., Robson-Brown K. Human Roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene. Bristol, U.K.: Western Academic & Specialist Press, 2001.
2. Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.
3. Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 22–36.
4. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Раннепалеолитическая стоянка Карам на Алтае: первые результаты исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3. С. 52–69.
5. Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S. etc. Late Glacial and Holocene vegetation changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2004. N 209. P. 259–279.
6. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. Адаптационные возможности древнейшего населения Алтая: развитие палеолитических традиций и динамика окружающей среды // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 50–56.
7. Oppenheimer S. Out of Eden. The peopling of the World. L.: Robinson, 2004.
8. Питулько В.В. Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38–46.
9. Ларичев В.Е. Палеолит Китая // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981.
10. Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Зенин А.Н. и др. Вариабельность палеолитических индустрий и природная среда позднего неоплейстоцена (Западно-Сибирская равнина и Горный Алай) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47–50.
11. Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 217–231.
12. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994.
13. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
14. Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
15. Васильевский П.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988.
16. Siltvy V., Medvedev G.I., Lipina E.A. Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal. Les Civilisations Prehistoriques D'Asie Centrale. Bruxelles: Musees Royaux d'Art et d'Histoire, 1997.
17. Black D., Teilhard de Chardin P., Yang Z., Pei W. Fossil man in China // Memoirs of Geological Survey of China. Ser. A. 1933. P. 1–158.
18. Teilhard de Chardin P., Licent E. On the Discovery of a Paleolithic Industry in Northern China // Bulletin of Geological Society of China. 1924. Vol. 3, N 3. P. 45–50.
19. Teilhard P., Boule M., Breuil H., Licent E. Le Paléolithique de la Chine. P.: Masson, 1928.
20. Teilhard de Chardin P. Fossil Man in China and Mongolia // Natural History. N.Y.: American Museum of Natural History. 1926. Vol. 26, N 3. P. 238–245.
21. Crawford G.W. Late Neolithic Plant Remains from Northern China: Preliminary Results from Liangchengzhen, Shandong // Current Anthropology. 2005. Vol. 4, N 2. P. 309–317.
22. Liu Li. Ancestor Worship: An Archaeological Investigation of Ritual Activities in Neolithic North China // JEAA. 2000. Vol. 2, N 1–2. P. 129–164.
23. Кларк Г. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
24. Кожин П.М. О фазах и специфике формирования этнокультурной общности в бассейне Хуанхэ // XVII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1986.
25. Кожин П.М. Становление древнекитайской государственности // XXIX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Наука, 1999. С. 29–35.
26. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
27. Кожин П.М. Китай и Центральная Азия эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011.
28. Народы Восточной Азии / сер. Народы мира: этнографические очерки; отв. ред. Н.Н. Чебоксаров, С.И. Брук, Р.Ф. Итс, Г.Г. Стратанович. М.; Л.: Наука, 1965.
29. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.
30. Кожин П.М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнонаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 129–151.
31. Andersson J.G. An Early Chinese Culture // Bulletin of the Geological Survey of China. 1923. Vol. 5, N 1. P. 1–68.
32. Andersson J.G. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu // Memoires of the Geological Society of China. Ser. A. 1925. N 51. P. 35–45.
33. Andersson J.G. Children of the Yellow Earth // Studies in prehistoric China / Transl. from the Swedish by E. Classen. N.Y.: Macmillan, 1934.
34. Andersson J.G. On Symbolism in the Prehistoric Painted Ceramics of China // BMFEA. 1929. N 1. P. 65–69.

Статья поступила
в редакцию 07.01.2013